

А. Б. СОКОЛОВ

ИСТОРИЯ ТЕЛА

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ

Общепризнано: облик современной историографии изменился, особенно за последнюю четверть века, или около того. На этом единство мнений заканчивается — как в смысле понимания содержания произошедших изменений, так и в смысле отношения к ним. В одних случаях признается: такие изменения существуют как данность, и сохранить общественный престиж истории можно, только приняв их во внимание, в других — речь идет об «откате», «растаскивании истории в разные стороны», о «незаконнорожденных» новых предметных областях истории¹. Разделяя первую позицию, полагаю: попытки сохранить традиционный образ историографии без соответствующего государственного обеспечения (утраченного в нашей стране в последние пятнадцать лет и вряд ли могущего быть восстановленным) приведут лишь к превращению исторического знания в камерное (т. е. предназначенное узкому кругу специалистов) знание, к возведению новых стен между историком и обществом.

Одной из черт «другой истории» является появление новых историографических направлений. Как пишет современный американский автор, «стоит задуматься, скрывается ли за разнообразием подходов что-то, кроме того, что они имеют отношение к истории. Еще более важным является вопрос, все ли подходы одинаково ценны или есть те, которые лучше других. Если одни выше других, то — что может служить критерием их выделения? Если все ценны одинаково, то не становится ли история хаотичной и разобщенной с появлением новых методов?»² По мнению видного немецкого ученого Й. Рюзена существуют следующие признаки, позволяющие говорить о феномене «новых направлений»: 1) отход от исчерпывающих и структурных теорий модернизации, и движение по направлению к

¹ *Селунская Н. Б.* Методологическое знание и профессионализм историка // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 25.

² *Wilson N. J.* History in Crisis? Recent Directions in Historiography. New Jersey, 1999. P. 63.

микроистории; 2) тенденция к отказу от твердых аналитических в пользу более мягких герменевтических методов; 3) отказ от «аргументативного» стиля, называемого научным, и переход к более убедительному и яркому способу презентации, именуемому нарративом; 4) тенденция к отказу от представления о работе историка как научной процедуре и новое понимание истории как лингвистического артефакта³. Хотя такое определение может оставлять вопросы (например, могут ли считаться «новыми» такие направления современных исторических исследований, как новая социальная история, базирующиеся на категориях объективности и научности), оно дает возможность говорить об истории тела именно как об особом направлении в историографии.

Прежде историки (за немногими исключениями) не придавали должного внимания тому, что тело — это коммуникативная система, а используемые в языке и изображениях метафоры тела содержат скрытые смыслы. Между тем, «тело» не только биологическая, но и историческая категория, и не только потому, что все тела находятся в состоянии постоянных изменений, и меняются телесные практики, но и потому, что тело — это культурно-ментальный конструкт. Восприятие тела не универсально, а в значительной мере диктуется ценностями, присущими тому или иному обществу. Как заметил, может быть с известной долей преувеличения, великий Чаплин, «покажите мне походку человека, и я скажу, откуда он родом». Современный американский автор замечает: «Культура вписана в тело. Наши представления о нем, буквальные и символические, социальны. Тело выдуманно. То, как мы держимся, передвигаемся, одеваемся, выдает нашу принадлежность к определенной культуре. В то же время и культура возникает из тела. Его очертания, отверстия и пояса, двухсторонняя симметрия, иерархическая организация, его твердость и подвижность, способность властвовать над вещами, место, занимаемое им в мире — служат ключом к пониманию структур повседневности»⁴.

Если речь идет об истории тела как об особом историографическом направлении, то каковы его характерные особенности?

Во-первых, можно отметить чрезвычайно быстрый характер «освоения» этой территории истории. Еще в 1991 г. видный историк

³ Rüsen J. *Studies in Metahistory*. Pretoria, 1993. P. 209.

⁴ Bobylore / Ed. by K. Young. Knoxville, 1995. P. XVII.

медицины и один из пионеров истории тела, британский ученый Рой Портер (ныне покойный) в соответствующей главе важного историографического труда не подводил итоги, а впервые формулировал задачи⁵. Их было названо семь: 1) *The Body as Human Condition* (изучение того, как религии, философии, литературы соотносились с реальным телесным опытом существования); 2) *The Form of the Body* (изучение языка и метафор тела, использование изображений тел как исторических источников); 3) *The Anatomy of the Body* (изучение того, как люди относились к своим телам, что они думали о боли и болезнях, когда ощущали себя молодыми или старыми); 4) *Body, Mind and Soul* (какое место тело и разум (душа) занимали в этических, юридических, педагогических системах); 5) *Sex and Gender* (если женское тело привлекло внимание под влиянием феминизма, то мужественность и маскулинность, обычно рассматриваемые как норма, почти всегда игнорируются); 6) *The Body and the Body Politic* (если метафора политического тела уже открыта в историографии, то гораздо меньше известно о том, какую политику проводила власть по отношению к индивидуальному телу); 7) *The Body, Civilization and Discontents* (история есть нескончаемый цивилизационный процесс, и истории одежды, еды, косметики, вещей и т. д. остаются в руках специалистов, как правило мало интересующихся глубоким пониманием функций, принадлежавших этим объектам). Забегая вперед, можно сказать: прогнозы Портера о том, какими путями будет развиваться история тела, во многом подтвердились.

Во-вторых, будучи направленной на изучение ментальности, ценностных представлений, присущих обществам и индивидам на разных ступенях исторического развития, история тела может и должна рассматриваться в соотношении с такими новыми направлениями, как новая культурная история, новая интеллектуальная история, гендерная история, новая политическая история.

Во-третьих, особенностью истории тела является ее междисциплинарный характер. Это определяется уже самим объектом исследования, интерес к которому проявляется со стороны различных научных дисциплин. Л. П. Репина пишет: «В самом конце XX века, когда история совершила свой очередной виток — «культурологиче-

⁵ *History of the Body // New Perspectives on Historical Writing / Ed. by P. Burke. Cambridge, 1991.*

ский» поворот — и в рамках социокультурного подхода была поставлена задача раскрыть культурный механизм социального взаимодействия, произошел перенос значения с «заповедных территорий» академических дисциплин на постановку и решение проблем, формулируемых, по существу, как трандисциплинарные: это проблемы, которые в принципе не могут быть поставлены в конституированных дисциплинарных границах, и последние в новой познавательной ситуации постепенно теряют свою актуальность. В этой связи можно говорить и о перспективе формирования новых наддисциплинарных областей социогуманитарного знания⁶. Представляется, что история тела как раз и является одной из таких областей гуманитарного знания. Она «обречена» на взаимодействие со всеми другими науками о человеке.

Наконец, существует мнение: в отличие от других, более «общих» историй, история тела не может быть идеологически нейтральной, объективной и беспристрастной, к чему «тяготеют», по меньшей мере на словах, представители исторической профессии. «Дело в том, что она изначально предполагает специфический подход к пониманию природы власти», — пишет Д. Оутрам⁷.

В настоящей статье рассматриваются условия и предпосылки становления истории тела как особого направления в исторических исследованиях. Они разделены на несколько групп: культурно-исторические, философско-методологические, междисциплинарные и, наконец, историографические.

Культурно-исторические условия

История тела возникла в современном социокультурном контексте, характеризующемся изменениями в отношении к телу. В западной культурологии выделяют понятие «современное тело». Его признак в «неопределенности», способности к изменению самого себя благодаря генной инженерии, пластической хирургии, спортивной медицине и т. д. Доступность таких «вмешательств» даже создает опасения по поводу того, насколько далеко можно идти в моделировании тела. Такой подход выражается в потребительской культуре:

⁶ Ретина Л. П. Теоретические основания исторического знания после «постмодерна» // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 28. Томск, 2007. С. 40.

⁷ Outram D. The Body and the French Revolution. New Haven, 1989. P. 7.

тело превращается в инструмент для удовлетворения желаний своего «владельца». Например, видный теоретик феминизма К. Дэвис замечает: предпосылкой к тому, что тело как таковое «пришло» в социальные науки, явился переход от индустриального к потребительскому обществу, приведший к смещению прежних этических ценностей. На смену протестантской этике с ее требованиями трудолюбия, экономности, умеренности пришло необузданное потребление, культ удовольствия и гедонизм. Употребляя модное сейчас слово, она пишет: «Тело — это средство *par excellence* современного индивида достичь гламурного образа жизни. Тела больше не являются выражением того, как мы приспособились к социальному порядку, а являются способом самовыражения, превращения в тех, кем мы хотим стать. В эпоху, когда каждый сам отвечает за собственную судьбу, тело — всего лишь еще одна черта в собственном проекте идентичности»⁸.

Нельзя забывать о новых границах между возрастами, установленными в результате растущей продолжительности жизни. Грани между ними в известной мере стираются, в том числе и путем использования технологий омоложения. Хотя большинство авторов связывают концепт «современного тела» с индивидуализмом и культурой потребления, существует точка зрения: его возникновение отразило упадок индивидуализма и представляет опасную форму социальной коллективности. Психологи не даром бьют тревогу: «теломания», недовольство собственным телом становится фактором риска, особенно значительным для женщин и тем более для девушек. Американский автор К. Лекрой пишет: «В целом, недовольство собственным телесным обликом может иметь серьезные психологические последствия для девочек. Многие из них уверены, что не смогут ничего поделать, в результате в них развивается чувство беспомощности и безнадежности в сочетании с низким уровнем самооценки и депрессией»⁹. Она указывает, что число американцев, недовольных своим внешним видом, последовательно возрастало в последние десятилетия. Исследования показали, что в 1970-х гг. число таких лиц составляло 19%, в 1980-х — 36%, а к концу 1990-х достигло 50%. Главным фактором, формирующим негативный образ своего тела, является влияние средств массовой информации и рек-

⁸ Embodied Practices. Feminist Perspectives of the Body. L., 1997. P. 2.

⁹ LeCroy C. W. Empowering Adolescent Girls. N.Y., 2001. P. 26.

ламы, сделавших худобу главным критерием привлекательности женского тела и утвердивших представление: «иметь совершенное тело» все равно что «быть привлекательным». Многочисленные исследования показали, что в результате такого влияния нормальные, здоровые девушки оценивают свой вес как избыточный и испытывают серьезный психологический дискомфорт.

О подобных проблемах говорится сегодня и в российской социологии и в гендерных исследованиях. Например, рассматривается феномен «отчуждения от тела», более характерный для женского «Я». Ю. Зеликова приводит примеры таких высказываний: «Ну, с телом у меня вообще сложные отношения... А сложные потому, что... мы воюем с ним постоянно... Как-то так мы не можем друг с другом найти разумного решения наших проблем, чтобы жить с ним в мире и согласии» (22 года). Или: «В последний год мое тело мне очень не нравится. Оно меня не слушается» (32 года)¹⁰. Этот автор объясняет проблему «отчуждения» практикой запретов, широко применяемых в процессе социализации девочек и женщин и направленных на привитие норм, соответствующих «правильной» гендерной идентичности. Эта проблема поднимается и в исследованиях зарубежных феминисток, в которых используется термин «соматофобия». Так, Адриана Рич в работе 1976 года писала: «Я не знаю ни одной женщины, для которой ее тело не составляло бы фундаментальной проблемы»¹¹. Не углубляясь более в различия в нюансах отношения к телу, признаем: сегодня больше людей, чем раньше, воспринимают его не просто как природную «данность», но как то, что может быть «слевлено» «из того, что было».

Действительно ли возникновение истории тела объясняется особенностями современной потребительской культуры? В литературе есть и другая точка зрения. Так, американский автор Д. Оутрам указала на значение практик манипулирования телом, сложившихся при тоталитарных режимах первой половины XX века, когда «намеренное использование физической жестокости как инструмента властвования, геноцид, основанный на расовых теориях и физических характеристиках, создание массовой политической аудитории путем проек-

¹⁰ Зеликова Ю. Женское тело: «отчуждение» и запрет на удовольствия // В поисках сексуальности. Сб. статей / Под ред. Е. Здравомысловой и Е. Темкиной. СПб., 2002. С. 408.

¹¹ Цит. по: Birke L. *Feminism and Biological Body*. Edinburgh, 1999. P. 30.

тирования бесконечных появлений национальных лидеров, их голосов и жестов на массовых мероприятиях, было отличительным признаком той эпохи... Тело стало главным инструментом публичного жеста, равно как и главным местом локализации политического контроля»¹². Наблюдение Оутрам подтверждается новейшими исследованиями советской культуры 1920–30-х гг. Идея «нового человека» включала конструирование «телесности», придание образу советского человека признаков физического совершенства¹³. Впрочем, в этих утверждениях не усматриваются непримиримые противоречия: и трагический опыт XX века, и «гламуризация» жизни внесли свой вклад в создание «культуры тела» и, если хотите, его культа.

В современных культурологических исследованиях интерес представляет классификация теорий телесности, предложенная американскими авторами Сьюзан и Джеймсом Хэтти¹⁴. Они выделяют несколько типов тела в зависимости от характера его восприятия.

В основе теории *гендерного тела* лежит представление, что принадлежность к мужскому или женскому гендеру определена данными от рождения половыми биологическими признаками. Западная традиция основывается на гендерном дуализме, и в разное время он нашел выражение в ряде противопоставлений, таких как: мускулинное-фемининное; высшее-низшее; рациональное-иррациональное; надежное-непредсказуемое; сильное-слабое; серьезное-фривольное и т. д. В философском, религиозном и медицинском дискурсах обнаруживались аргументы для обоснования приниженого статуса женского пола. Гендерный дуализм дополнялся дальнейшей поляризацией гендерной идентичности: выделением понятий «хорошей» и «плохой» женщин.

Теория *сексуального тела* базируется на идее, что человеческая сексуальность — угроза существующему социальному порядку. К XX в. государство приобрело право вмешиваться во многие области, связанные с сексуальностью — это получило название биовласти. В эпоху СПИДа сексуальное тело стало восприниматься не только как угроза отдельным индивидуумам, но как угроза всему сообществу.

¹² Outram D. Op. cit. P. 8.

¹³ См., напр.: Clark T. The 'New Man's Body': a Motif in the Early Soviet Culture // *Art of the Soviets* / Ed. M. G. Bown, Br. Taylor. Manchester, 1993.

¹⁴ См.: Hatty S. *The Disordered Body: Epidemic Disease and a Cultural Transformation*. N.Y., 1999. P. 3-25.

Понятие *медиализированное тело* предполагает, что представители медицинской профессии, получившие неограниченный контроль над телами людей, сами конструируют социальное тело, заявляя о том, что является нормой, а что выходит за ее пределы. По утверждению многих (феминистских) авторов, медицина не является гендерно-нейтральной и объективной, а наоборот, репрессивной по отношению к женщинам, что ведет к негативным социальным последствиям. Подробнее о подходах к телу в феминистской литературе будет сказано ниже.

Картезианское тело (по имени Р. Декарта) — тело, воспринимаемое как «машина», механизм, этот взгляд ясно прослеживается и сегодня в медицине и науке. Оно видится как сложный механизм, а не как социальная сущность. Тело можно ремонтировать, заменять износившиеся части, применяя разные силы: электрические, химические, механические. Такой подход предопределяет суть подготовки медика, как исследователя, так и практика. Как отмечает один автор, «думать о теле как о машине стало важной частью промышленной революции»¹⁵. В XX в. такой подход укрепился благодаря видимым техническим достижениям, внедряемым в медицину. Критики такого подхода концентрируются на пренебрежении психосоциальными факторами и необходимости «регуманизации» медицины.

Как и предыдущая, теория *гротескного тела* (антитеза *классическому телу*) идет из XVII в., когда в ходе цивилизационного процесса (изучению которого посвящен знаменитый труд Н. Элиаса) оно было подвергнуто ограничениям и маргинализации. Возникли новые правила, ритуалы и границы телесного поведения. Например, естественные функции организма, на которые прежде не обращали особого внимания, стали признаваться постыдными. Новым образцом стало тело, которое М. Бахтин называл «классическим», а английский автор Баркер «позитивным». В противоположность такому образу, тело, в котором «прописаны» все детали, и которое «дышит» аппетитами и желанием, Бахтин назвал «гротескным». Обычно в качестве такового выступает женское тело. Наконец, уже было указано на концепт *современного тела*, признаком которого считается способность к изменению путем самомоделирования.

¹⁵ Birke L. *Feminism and the Biological Body*. Edinburgh, 1999. P. 56.

В философско-методологическом плане в истории тела присутствует некая амбивалентность. Более того, обращение к телу в контексте гуманитарного мышления не является чем-то совершенно новым. С одной стороны, «душа» и «тело» были с древних времен в ряду ведущих философских категорий, с другой стороны, в истории тела нашел выражение «постмодернистский вызов». Отделение «духовного» от «телесного» стало присущей историографии чертой со времени просветителей, создавших философскую концепцию человека как венца природы, существа разумного и творящего. В исторической мысли сложилось представление об истории как процессе целенаправленной духовной деятельности людей, воплощавших в своих поступках идеи, преобразовывавшие человеческое общество. Знаменитое выражение Декарта «Я думаю, значит, существую» знаменовало поворотный момент: первенство отдавалось разуму, «рациональной душе», тело же представлялось «машиной». Такой подход вел к идее «вторичности» тела. По сложившейся в эпоху научной революции классификации тело рассматривалось как предмет естественных, биологических наук. В то же время издавна в философии был и другой подход, подчеркивавший единство души и тела. Один из создателей христианской философии Августин Блаженный утверждал: «Способ, которым соединяются души с телами, весьма поразителен и решительно непонятен для человека, а между тем это и есть сам человек». В XVIII в. самый последовательный критик религии Д. Дидро замечал: «Душа весела, печальна, сердита, нежна, лицемерна, сладострастна? Она ничто без тела. Я утверждаю, что ничего нельзя объяснить без тела»¹⁶. Позднее о «реабилитации» тела написал Ф. Ницше: «Говорят «удовольствие» — и думают об уладах, говорят «чувство» — и думают о чувственности, говорят «тело» — и думают о том, что «ниже тела», и таким вот образом была обесчещена троица хороших вещей»¹⁷. Он, в частности, указывал на то, что вопрос о соотношении между «духовным» и «телесным», между разумом и телом в разные эпохи занимал центральное место в философии и теологии, в педагогических, этических и юридических теориях.

Источником возникновения истории тела стала философия постмодернизма. Тело занимало центральное место в концепции одно-

¹⁶ В поисках смысла / Сост. А. Е. Мачехин. М., 2005. С. 782.

¹⁷ Ницше Ф. Сочинения. Т. 2. М., 1990. С. 741.

го из его основателей — Мишеля Фуко. По его словам, в классический век (XVII–XVIII вв.) произошло «открытие тела как объекта и мишени власти», «формируется политика принуждений — работы над телом, рассчитанного манипулирования его элементами, жестами, поступками. Человеческое тело вступает в механизмы власти, которые тщательно обрабатывают его, разрушают его порядок и собирают заново»¹⁸. Постмодернизм утвердил конструктивистские интерпретации прошлого, в которых телесные образы, воплощенные в словах и на изображениях, являются для историков важным средством «расшифровки» смыслов, в них заключенных. Разумеется, это не значит, что концепция Фуко воспринималась историками тела некритично. Например, в литературе указывалось на противоречия дискурсивного анализа: видеть в телах только символы, метафоры и объекты властного воздействия означает игнорировать роль непосредственного физического опыта «владельцев» тел. Кроме того, встает вопрос: «Чьи тела?» Фуко рассматривал тело абстрактно, игнорируя, например, гендерные или социальные отличия¹⁹. В дальнейшем история тела преодолевала очевидные слабости концепции Фуко, но новаторски использовала творческий вызов его идей.

«Лингвистический поворот», возникший в постмодернистской парадигме исторического знания, поставил проблему «языка как метафоры». Именно в литературоведении было раньше всего указано на значение метафор тела для выяснения «смыслов»²⁰. К. Дэвис высказала интересную мысль: «лингвистический поворот» привел к известному смещению в исследованиях представителей феминизма. На его волне проявился крен от изучения женского тела как объекта агрессии и насилия к тому, как его образы были вовлечены во властные отношения: «Женское тело стало текстом, который может быть прочитан как культурологическое утверждение о гендерно-властных отношениях. Забота о единстве в телесных практиках женщин уступила место погружению в многообразие культурных значений, которыми женское тело может быть наделено — в основном в научных

¹⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 201.

¹⁹ Outram D. Op. cit. P. 18.

²⁰ См.: Тело в русской культуре. М., 2005; Мерлин В. Производство удовольствия. Очерки симптомологии русского тела. М., 2006 (в этом случае интерпретация автором «симптомологии» тела носит фрейдистский характер).

текстах, массовых средствах информации и в повседневных представлениях. Акцент сместился с рассмотрения власти как силы для эксплуатации, подавления и манипулирования, к изучению распространения мягких процессов дисциплинирования и нормализации через культурные репрезентации»²¹. В условиях «визуального поворота» в современной историографии изображения тела рассматриваются с той же целью. Так, французский историк А. де Бек, изучая использование метафор тела в эпоху Французской революции, показал: и текст, и изображение в одинаковой степени полезны для понимания революционной ментальности²².

Междисциплинарность

История тела испытала влияние соответствующих исследований в социологии и феминизме. У феминистских авторов проблема тела приобрела политический характер, поскольку оно было поставлено в центр анализа властных отношений в условиях патриархата. В феминистской литературе утверждалось, что женское тело олицетворяло «другое»: оно было загадочным, непокорным, угрожающим (в том числе способным подорвать патриархальный порядок). Феминисты считают, что дискурс о теле в западной науке маскирует страх перед фемининным и устремленность маскулинного к сохранению контроля над женским телом. Гинекология и то, что ее сопровождает, включая контроль над рождаемостью, в феминистском дискурсе неразрывно связаны с «патриархатом», и подразумевают власть мужчины над женщиной, осуществляемую через контроль над женскими телами, их сексуальностью и репродуктивным потенциалом²³. Например, в литературе многократно указывалось на беспрецедентное распространение в последней четверти XIX века в Англии и США операций по удалению яичников, цель которых состояла в устранении психических беспокойств, в том числе разных форм невралгии, головных болей, умопомешательства и т.д. Сохранились даже сведения, что иногда для таких операций жен и дочерей приводили мужья и отцы на том основании, что они плохо справля-

²¹ Embodied Practices. P. 11.

²² Baecque A. de. The Body Politic: Corporeal Metaphor in Revolutionary France, 1770–1800. Stanford, 1997.

²³ Pringle R. Sex and Medicine. Gender, Power and Authority in the Medical Profession. Cambridge, 1998. P. 42.

лись со своими домашними обязанностями²⁴. В исследованиях феминисток также затронуты такие темы, как сексуальность (во многих работах ставится проблема сексуального насилия), государственная политика в вопросах, связанных с телом (аборты, порнография, проституция, социальное вспоможение). Изучается опыт женщин в области «поддержания» своего тела (фитнес, мода, диета, косметическая хирургия и др.) Так, в феминистской литературе рассматривались противоречия, вытекающие из беспрецедентного распространения косметической хирургии, несмотря на риски и опасности, которые она несет²⁵.

В социальных феминистских теориях сделан акцент на рассмотрение роли биологии в конституировании гендерных различий в обществе. Выделяются два главных подхода: один называют «социальным конструктивизмом», второй — «биологическим эссенциализмом». В первом случае речь идет о том, что биологические половые различия лишь косвенно влияют на статус женщины, а сами биологические интерпретации детерминированы обществом. Во втором случае женские «отличия» трактуются как реальные характеристики, определяющие враждебное к ней отношение в мире, в котором доминируют мужчины²⁶. В новое время (с эпохи Просвещения, по мнению Т. Лакуэра) установилась так называемая «двухполовая» модель, основанная на подчеркивании анатомо-биологических отличий между мужчиной и женщиной. На протяжении долгого времени она служит для утверждения гендерного неравенства. Как пишет Р. У. Коннелл, «социобиологическое теоретизирование по поводу гендера не подтверждается имеющимися данными. Их внимательное изучение показывает: никакой односторонней детерминированности социального биологическим не существует. Это социальные отношения формируют биологические процессы, включая выработку гормонов; имеет место постоянное взаимодействие социальных и биологических процессов... Биологи-

²⁴ Scully D. Men Who Control Women's Health. The Miseducation of Obstetricians-Gynecologists. N. Y., 1994. P. 48-52.

²⁵ Davies K. Reshaping the Female Body. The Dilemma of Cosmetic Surgery. N. Y., 1995.

²⁶ См.: Sayers J. Biological Politics. Feminism and Anti-Feminist Perspectives. N. Y., 1986.

ческие объяснения остаются широко признанными благодаря общему престижу «наук» и еще потому, что дают широкое оправдание существующему порядку и охраняют привилегии тех, кто от него выигрывает»²⁷. Как с иронией писал другой американский автор, достижения биологии человека в XX в. привели не к освобождению от гендерных стереотипов, а напротив — к их укреплению: «Комбинация половых хромосом и половых гормонов буквально придала волшебную силу стремлению формировать человеческое поведение в гендерном отношении; женщины теперь оказались в милости от своей генетической ограниченности и меняющегося набора гормональных императивов... Не приходится удивляться, что детерминистский биологический подход к расовым / этническим и половым / гендерным отличиям стал естественной и неотъемлемой частью учебных программ, научных проектов, медицинской практики»²⁸.

Весьма полным исследованием эволюции биологических теорий тела в контексте истории медицины является упомянутая выше книга Л. Бирк «Феминизм и биологическое тело» (1999). Точнее, предметом изучения в ней являются представления о том, что не видно глазу: как устроено тело, какие процессы в нем происходят, как изображалось это внутреннее устройство. Автор явно не разделяет суждение о том, что медицина научилась «видеть невидимое»: «Многие истории науки и медицины, тем более, базируются на утверждении о неминуемом научном прогрессе — в таких историях правда всегда побеждает, как хорошие парни в кинофильмах. Моя цель, напротив, в том, чтобы не принимать историю науки и научные рассуждения как реальность, а показать, что научные концепции социально и культурно доминированы». Так, отмечая, что новейшие диагностические средства, казалось бы, помогают увидеть, что происходит «внутри», она подчеркивает, что такая картина довольно иллюзорна: изображение «читается», т.е. интерпретируется врачом или другим специалистом. Небезынтересны рассуждения Бирк о метафорах тела: одна из глав целиком посвящена метафоре сердца, и использование последней редко совпадает с преобладающим в научном-медицинском дискурсе представлением о сердце как о насосе. Однако и метафора сердца как средоточия

²⁷ Revisioning Gender / Ed. M. Ferree, J. Lorber, B. Hess. L., 1998. P. 451.

²⁸ Man-Made Medicine. Women's Health, Public Policy and Reform / Ed. by K. L. Moss. Duke University Press, 1996. P. 20.

эмоций и души используется и самими медиками. Бирк вспоминает, что когда у нее впервые «прихватило» сердце, и она обратилась к доктору, тот посоветовал не беспокоиться: это наверняка от проблем во взаимоотношениях с бойфрендом. «Я так плохо чувствовала себя, — пишет она, — что даже не смогла ответить: никакого друга у меня вообще нет, так как я лесбиянка»²⁹.

Возвращаясь к биологии пола, отметим, что “двух-половая” модель не существовала изначально: до эпохи Ренессанса и научной революции господствовала «одно-половая» модель, предполагавшая акцент не на отличиях, а на общих чертах в анатомии мужчин и женщин. Женское тело рассматривалось как вариант мужского тела; достаточно сказать, что половые органы женщины воспринимались и изображались как зеркальное отражение мужских. Это, однако, не означает, что “одно-половая” модель давала основу для утверждения гендерного равенства. Напротив, и в древности, и в средние века в философском, религиозном и медицинском дискурсах уже утвердился взгляд на женский пол как на «второй», более низкий, а на самих женщин как на существ, управляемых внутренними, прежде всего, половыми органами, и слабо контролирующими свой разум и эмоции. Кстати, переход к “двух-половой” модели в анатомических представлениях означал и изменение отношения к женской сексуальности: «В течение веков женщин изображали как сексуально ненасытных соблазнительниц мужчин, которые в ином случае вели бы воздержанную и целомудренную жизнь. В “двух-половой” модели женщины воспринимаются как мало интересующиеся сексом, зато более заинтересованные в семейных заботах и отношениях общего характера. В такой конструкции женщины отвечают на сексуальные домогательства, а не иницируют их. Наоборот, мужчины — хищники, чьи сексуальные потребности невозможно ограничить, так как они диктуются биологической необходимостью. Такая новая мужская идентичность предоставляла удобное оправдание насилию»³⁰.

²⁹ Birke L. Op. cit. P. 46.

³⁰ Hatty S. Op. cit. P. 10. Эту тему поставил известный историк сексуальности Т. Лакуэр. См.: *Laqueur T. “Amor Veneris, Vel Dulcedo Appeletur” // Fragments for a History of the Human Body / Ed. by M. Feher. Part 3. Об этом же: Moscucci O. Clitoridectomy, Circumcision and the Politics of Sexual Pleasure in Mid-Victorian Britain // Sexualities in Victorian Britain / Ed. A. Miller, J. Adams. Bloomington, 1996.*

Это представление о женской сексуальности, точнее асексуальности, породило распространение гинекологических операций, пик которых пришелся на последние двадцать лет XIX века, цель которых состояла в предотвращении женской мастурбации, рассматриваемой как признак психического нездоровья³¹.

Конечно, биометрика давала «научные» обоснования для легализации не только гендерных, но и других социальных различий в обществе, например, расовых. Американский автор сообщает о том, что накануне гражданской войны в США яростный поборник рабства врач С. Картрайт получил от штата Луизианы фактический заказ на обоснование природной неполноценности черных, что подвело его к детальному изучению телесных различий белых и негров, включая волосные ткани, длину костей, восприимчивость к болезням и даже цвет внутренних органов. Если сразу после гражданской войны в медицинских журналах утверждения о расовых различиях ставились под вопрос, и даже публиковались статьи о телесных сходствах представителей разных рас, то после окончания Реконструкции Юга идея естественных расовых различий вновь восторжествовала³².

Примером использования тела в колониалистском дискурсе о сексуальности может служить известная история «готтентотской Венеры» (европейцы называли ее Сара Бартман), привезенной из Южной Африки в 1810 г. Ее выставляли сначала в Лондоне, потом в Париже как «урода», «дикаря-монстра», привлекая внимание публики размерами ягодиц и формой нижней части живота. После скорой смерти в 1815 г. Сара была подвергнута вскрытию, причем врач Куве «дегуманизировал ее, сравнивая с орангутангом, и тем самым внося вклад в формирующееся представление о том, что африканцы ближе к животным, чем к человеку»³³. С частей ее тела были сделаны гипсовые копии, выставлявшиеся в Музее человека в Париже вплоть до 1982 г. Только тогда, после протестов, останки готтентотской Венеры были преданы африканской земле. Как пишет П. Нетто, «посредством пристального осмотра в медицинском и этнографическом дискурсах была сконструирована “правда” о сексуальности черных. “Примитив-

³¹ Scilly D. Op. cit. P. 52-56.

³² Man-Made Medicine. P. 17.

³³ Reclaiming the Body of the 'Hottentot' // European Journal of Women's Studies. 2005. Vol. 12. Issue 2. P. 150.

ные” гениталии готтентотских женщин выступали в европейском колониальном дискурсе выражением “примитивных” сексуальных appetitов... Так визуальными средствами подчеркивалась “отличность” женской негритянской сексуальности, представляемой как антитеза сексуальности европейской и нормам цивилизованности³⁴. Организованную в 1994 г. двумя негритянскими художницами фотовыставку по мотивам этой истории автор статьи трактует как попытку преодолеть стереотипы колониалистского мышления, породившего взгляд на черную женщину как на проститутку.

Пример с «готтентотской Венерой» приводит и С. Бордо, одна из видных представительниц феминизма. Для нее он служит подтверждением идеи о том, что и сейчас мы находимся в плену многих стереотипов, разделяемых как мужчинами, так и женщинами, и сформировавшихся еще в начале XIX в.: «Представлению о том, что все черные мужчины по природе потенциальные насильники, соответствует стереотипный взгляд на черных женщин как аморальных Иезавелей, которых нельзя по-настоящему изнасиловать, так как насилие предполагает покушение на личную скромность, которой они, как считают, вовсе не обладают»³⁵. С. Бордо пишет: «Я не хочу обвинять всех мужчин, что они потенциальные насильники или готовы избивать своих жен; сказать так, значило бы потворствовать мифу о зловредных мужчинах и искусительницах-женщинах. Моя цель в том, чтобы продемонстрировать сохраняющееся влияние определенных культурных представлений и идеологий, которым подвержены не только мужчины, но и женщины (раз мы живем в одной культуре). Женщины и девочки часто впитывают эту идеологию и винят себя в тех нежеланных попытках и сексуальных домогательствах, которым сами подвергаются. Они вызывают неудобство за нашу женственность, стыд за наши тела и отвращение к себе»³⁶.

Тело исследуется не только в социологии медицины, но и в других ее областях. Следующий пример относится к теме бюрократии и бюрократизации, связанной с учением М. Вебера об идеальном типе. Один автор пишет: «Наем бюрократов, повседневная бю-

³⁴ Ibid. P. 153.

³⁵ Bordo S. Unbearable Weight. Feminism, Western Culture and the Body. Berkeley, 1993. P. 9.

³⁶ Ibid. P. 8.

рократическая жизнь и то, как она определяется системой правил и четко очерченной иерархией, выражает полное отрицание телесного. *Формально*, бюрократия безразлична к размерам и формам тел, а вопросы здоровья или непригодности возникают только в связи с невозможностью выполнения возложенной работы. На практике все выглядит по-другому. Следует подчеркнуть, что с гендерной точки зрения мужчины и женщины совсем не равномерно представлены в бюрократических офисах и иерархиях. Практика расположения «привлекательных» женщин на входе в пространство бюрократии ясно иллюстрирует взаимоотношения между гендером, телом и властью внутри формально рациональных организаций. Так же известно, что в некоторых случаях вопреки формальным правилам цвету тел часто придается важное значение. Возраст и некоторые физические недостатки также могут вести к отходу от общих правил... Кто сидит, где, когда и как, признание и использование права стоять или двигаться — это темы, затронутые в популярной и научной литературе по «языку тела», но они еще очень редко инкорпорируются в исследования по бюрократии»³⁷.

Значительный интерес к «языку тела» находит отражение в практической психологии. В одном из многократно переиздававшихся пособий по «языку тела» указывается на то, что жесты и движения человека могут полностью расходиться с его словами. Если в ходе полицейского расследования подозреваемого усаживают на открытое пространство и на него направляют яркий свет, то цель этого (по крайней мере, одна из целей) в том, чтобы не дать ему солгать. «Некоторые, чьи профессии подразумевают ложь, — пишет автор этого пособия, — например, политики, адвокаты, актеры или телевизионные ведущие, до такой степени совершенствуют свои жесты, что “увидеть” ложь трудно, и люди попадают на этот крючок»³⁸. «Раскодирование» коммуникативных знаков, содержащихся в мимике, жестах и других проявлениях телесности, имеет полидисциплинарное значение.

В литературе приводится множество примеров, подтверждающих, что язык тела не универсален, он в значительной мере обуслов-

³⁷ Body Matters: Essays on the Sociology of the Body / Ed. S. Scott, D. Morgan. L., 1993. P. 15.

³⁸ Pease A. Body Language. How to Read Other's Thoughts by Their Gestures. L., 2000. P. 2.

лен социальными, культурными и историческими факторами. Более того, он является важным способом конструирования национальной (или иной) идентичности. Если прежде труды, в которых затрагивались особенности тех или иных национальных характеров, носили в основном умозрительный характер, то попытки внедрения в такие исследования культурно-антропологических подходов, кажется, дали интересные результаты. Об этом можно судить по ставшей бестселлером книге английского антрополога К. Фокс³⁹. Она взглянула на культурные особенности повседневного поведения англичан «со стороны», и среди ее «открытий» немало таких, которые относятся к языку тела. Чего стоят неписанные ритуалы словесного и жестового поведения в пабе, или же правила очереди на общественный транспорт. Да, собственно говоря, и историки осознали, что язык тела — прекрасная отправная точка для разговора о «русскости», «английскости», «немецкости» или любой другой «-сти». Одна из лучших, с моей точки зрения, книг последнего времени по русской истории, книга О. Файджеса, посвященная национально-патриотическому дискурсу в русской культуре XIX–XX вв., начинается со знаменитой толстовской сцены — танца Наташи, символизирующего главную идею писателя: национальное выше общественных отличий⁴⁰.

Другим примером может служить книга английского историка П. Акройда об истории Лондона. Введение к ней автор назвал «Город как тело». В нем он пишет: «Как ни воспринимай Лондон — пробуdivшимся от сна свежим юношей или уродливым великаном, — мы в любом случае должны видеть в нем организм, подобный человеческому, со своими собственными закономерностями жизни и роста»⁴¹.

Вообще-то, писатели, по-видимому, острее ощущали мощь воздействия метафор телесности на читателя, чем историки. Исследователи отмечают, что значил *нос* для Н. Гоголя и как часть его лица, и как постоянная метафора в его произведениях⁴². В. Набоков писал, что у Гоголя «нос лейтмотивом проходит через все его сочинения:

³⁹ Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. L., 2004.

⁴⁰ Figes O. Natasha's Dance. A Cultural History of Russia. L., 2003.

⁴¹ Акرويد П. Лондон. Биография. М., 2005. С. 22.

⁴² См., напр.: Строев А. Тело, распавшееся на части (Гоголь и французская проза XVIII века // Тело в русской культуре. М., 2005.

трудно найти другого писателя, который с таким смаком описывал бы запахи, чиханье и храп... Из носов течет, носы дергаются, с носами любовно или неучтиво обращаются: пьяный пытается отпилить другому нос; обитатели Луны (как обнаруживает сумашедший) — Носы»⁴³. Такие примеры можно умножать, и традиция не прерывалась и в XX столетии. Одним из самых сильных литературных примеров, иллюстрирующих не метафорическое значение тела, а тему тела как объекта воздействия дисциплинарных технологий, мне представляется небольшой рассказ замечательного писателя Виктора Астафьева «Ясным ли днем». Завязка рассказа в том, что его герой Сергей Митрофанович, потерявший на войне ногу, вынужден ежегодно приезжать из своего лесного поселка в город, на врачебную комиссию. В душе бывшего фронтовика разрасталась обида: «Молча терпевший с сорок четвертого года все эти никому не нужные выслушивания, выстукивания и осмотры, Сергей Митрофанович сегодня спросил у врача, холодными пальцами тискавшего тупую, внахлест зашитую култышку: — Не отросла еще?». Другими художественными средствами, но, в общем-то, о том же, писала постмодернистская поэтесса Нина Искренко (ее творчество рассматривает американский автор Д. Попович, в заголовке публикации которого название одного из ее произведений). Текст не требует особых комментариев, «риторика тела» в нем призвана разоблачить репрессивную природу советского политического дискурса:

Два тазобедренных сустава
Пльвут завернуты в газету
По темным водам подземелья
Столь оживленного в час пик
Навстречу им в сыром угаре
Бредет подвыбитая челюсть
Пучки волос, полоски кожи,
Глазные яблоки и ногти,
Трахеи, легкие, мошонки,
Фаланги, ребра, позвонки,
А по бокам...
Из несуразностей рельефа
На них глядят без выраженья

⁴³ Цит. по: *Баскаков В.* Свободное тело. Хрестоматия. М., 2004. С. 214-215.

Крючки, железочки и цепи,
Багры, напильники и гвозди,
Иголки, щипчики, тисочки,
Ножи, кастеты, топоры,
Работы хлопотной орудья
Глядят с усталым безразличьем
На проплывающие мимо
Плоды их скорбного труда⁴⁴.

Конечно, до второй половины XIX века, когда история еще не вполне оторвалась от литературы, чтобы провозгласить себя наукой социальной, историки куда более смело, чем позднее, использовали метафоры тела. Вспомним высказывание Ж. Мишле о Марате, как о «желто-зеленом существе, принадлежащем скорее к породе бесхвостых гадов, чем к человеческому роду». Т. Карлейль — также мастер метафор тела. Например, в работе «Герои, почитание героев и героическое в истории» встречаем идиллическое описание Кромвеля, который «выступал, ничем не прикрываясь, и схватывался, как гигант, *лицом к лицу, сердцем к сердцу* (курсив мой. — А. С.). Таковы, в конце концов, все люди, стоящие чего-нибудь. Многие со мной согласятся, что гладко выбритые достопочтенные мужи не стоят собственно ничего». Здесь метафора сердца должна усилить метафору лица как раз потому, что лицо недостаточно отражает идею искренности. Однако любопытно: в этом отрывке присутствует и метафора бороды, противопоставление бородачей гладко выбритым джентельменам. В ней явно чувствуется какая-то современная историку актуализация: сам он на портретах с бородой, но Кромвель, судя по изображениям, выбрит!

С наступлением эпохи позитивизма и «научной истории» язык исторических сочинений меняется, главным требованием к нему становится пресловутая точность и строгость, следовательно, желание избежать «метафорических излишеств». Так или иначе, историографическая революция (если этот термин применим) последних десятилетий меняет, кроме прочего, и язык трудов по истории. Литература, взаимоотношения которой с историей сегодня все же пересматриваются, становится фактором, позволяющим осознать важность обращения к телу как к объекту исторического исследования.

⁴⁴ *Popovich D.* “Pravo na Trup”: Power, Discourse and Body in the Poetry of Nina Iskrenko // *Russia Review*. 2005. October.

К числу собственно *историографических факторов* возникновения истории тела относится, во-первых, появление ряда новаторских трудов в области истории культуры, написанных еще в межвоенные годы. Их авторы превосхитили, хотя и по-разному, идею значения телесности в контексте истории. М. Блок в «Королях-чудотворцах», изучая сохранявшуюся до XIX в. веру в то, что прикосновение руки короля излечивает от золотухи, сам впервые «прикоснулся» к теме ментальности. В то же время он по традиции отдает приоритет душе и ищет рациональные объяснения суеверию масс. В «Рабле» М. Бахтин подчеркнул значение телесности в карнавальной гротескной культуре, отражением которой он и считал «Гаргантюа и Пантагрюэля». В «Цивилизационном процессе» Н. Элиас указал на значение изменений в телесных практиках, являвшихся для него главным критерием «цивилизованности». В какой-то мере он превосхитил Фуко, так как видел в «цивилизационных» ограничениях и подавлении индивидуальности. Позднее поворотным моментом стала концепция двух тел короля Э. Канторовича, выделявшего «физическое» и «политическое» тело монарха. Политическое тело бессмертно, ибо является воплощением и символом власти. В дальнейшем концепция Канторовича породила множество конкретно-исторических исследований, тем более история нового времени, казалось, сама давала тому немало примеров. Взять Франциска I, после смерти которого была изготовлена кукла, и ей на протяжении нескольких недель поклонялись как живому человеку. Среди других об этом писал и Э. Ле Руа Ладюри в «Каролингской Франции». Или же можно вспомнить о том, что концепция Канторовича стала основой для написания раздела «Истории Британии» англо-американского историка С. Шамы, посвященного правлению Елизаветы I, которая сама якобы говорила: «У меня тело женщины, но сердце и желудок короля».

Во-вторых, историографической предпосылкой для развития истории тела стал свойственный новейшей историографии крен на изучение повседневности, неизбежно подводящий историка к аспекту телесности. Не останавливаясь специально на этой современной историографической тенденции (об этом написано немало), ограничимся немногими примерами. Так, Э. Ле Руа Ладюри в самой знаменитой своей книге «Монтайю», в этом рассказе об окситанской деревне, живописуя повседневную жизнь ее жителей во всем ее

многообразии, много раз обращается к «языку тела». Например, в главе «Жест и секс», указав на ограниченность собственных данных о жестовой культуре, «где нет ни детальной информации, ни наработанных подходов к проблеме», он замечает: «Ограничусь, насколько позволяет документация, обращением к немногим естественным или естественным с виду жестам. Прочие, очевидно, в большей степени обусловлены культурой и групповыми стандартами. Некоторые жесты в неизменном виде дошли до нашего времени и остаются общими: такая устойчивость свидетельствует о долговечности поведенческих моделей. Иные же исчезли или видоизменились»⁴⁵.

К теме телесности обратились и другие представители «Анналов», занимавшиеся повседневностью. В многотомной «Истории частной жизни» под общей редакцией Ж. Дюби и Ф. Арьеса, опубликованной во второй половине 1980-х гг., авторами которой были историки из разных стран, уже присутствует история тела. Например, в четвертом томе, охватывающем «долгий» XIX век, от Французской революции до первой мировой войны, А. Корбин пишет: «Чтобы понять присущее девятнадцатому веку отношение к интимности, надо сначала разобраться в том, как оно управлялось вечной дихотомией между телом и душой. Очевидно, что сущность последней зависела от социального класса, культурного уровня, религиозного рвения. На индивидуальном уровне могли наслаиваться несовместимые убеждения. Более того, поведение в одном сегменте общества оказывало влияние на другие сегменты»⁴⁶.

М. Гефтер однажды заметил: тело, его движения и действия «являются таким же историческим документом, свидетельствующим о прошлом, как дневник или грамота»⁴⁷. Представляется, что это высказывание именитого историка подтверждает актуальность изучения методологических основ истории тела и важность анализа источников, относящихся к телесности и позволяющих найти новые перспективы в исследованиях.

⁴⁵ *Le Руа Ладюри Э.* Монтайю. Окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001. С. 163.

⁴⁶ *A History of Private Life. Vol. IV / Ed. by M. Perrot. Cambridge (Mass), 1990. P. 475.*

⁴⁷ Цит. по: *Крейдли Гр.* Невербальная семиотика. М., 2004. С. 47.